

ЛЮБОВЬ
ИНТРИГА
ТАЙНА

ЧИТАЙТЕ РОМАНЫ
ИРИНЫ МЕЛЬНИКОВОЙ –
ПРЕКРАСНЫЕ ИСТОРИИ О ВЕРЕ, НАДЕЖДЕ
И ЛЮБВИ:

Любовно-исторические:

Антик с гвоздикой
Грех во спасение
Александра – наказание Господне
Невеста по наследству
Фамильный оберег. Закат цвета фламинго
Фамильный оберег. Отражение звезды
Фамильный оберег. Камень любви

Любовно-криминальные:

Дрянь такая!
Ржавый Рыцарь и Пистолетов
Дикая Лиза
Нянька для олигарха
Мой ласковый и нежный мент
Колечко с бирюзой
Несконченный романс
Роман с Джульеттой
Горячий ключ
Формула одиночества
Стихийное бедствие
От ненависти до любви
Небо на двоих

**В соавторстве
с Георгием Ланским:**

Ключи Пандоры
Лик Сатаны
Ярость валькирии

Сериал

«Агент сысшной полиции»:

Агент сысшной полиции
Талисман Белой Волчицы
Финита ля комедия
Сибирская амазонка
Бесы Черного Городища

ИРИНА
МЕЛЬНИКОВА

АЛЕКСАНДРА –
НАКАЗАНИЕ ГОСПОДНЕ

МОСКВА
2018

УДК 821.161.1-31
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
М48

Оформление серии *С. Курбатова*

Мельникова, Ирина Александровна.
М48 Александра — наказание Господне : [роман] / Ирина Мельникова. — Москва : Эксмо, 2018. — 352 с.

ISBN 978-5-04-095299-1

Появление Александры, дочери известного путешественника графа Волоцкого, в светском обществе Петербурга равносильно взрыву вулкана. Ей нет равных не только по красоте и уму, но и в умении отваживать нежелательных женихов и осаживать чванливых светских франтов. И только молодой князь Адашев не обратил на юную красавицу никакого внимания. Неугомонная Александра решает за это наказать князя, и вскоре в его доме появляется новая гувернантка — невзрачная, в старомодном платье и нелепом чепце... Чем станет эта девушка для Кирилла Адашева — сущим наказанием Господним или, наоборот, даром Божиим?..

УДК 821.161.1-31
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

© Мельникова И., 2018
© Оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2018
ISBN 978-5-04-095299-1

ГЛАВА 1

В дверь осторожно постучали. Графиня поспешно отдернула руку, которую собирался поцеловать *bel homme*¹ Кирдягин. Поправила слегка растрепанные букли, привела в порядок потревоженное декольте, сделала глубокий вдох, обмахнулась веером, стараясь согнать с лица обильный румянец от неумеренных и весьма пикантных комплиментов известного столичного повесы и бретера, и только тогда соизволила произнести:

— Войдите!

В будуар, почтительно склонившись, скользнул слуга в ливрее. В руках он держал серебряный поднос, на котором в одиночестве возлежал большой сиреневый конверт, скрепленный круглой сургучной печатью с пропущенной сквозь нее изящной золотистой ленточкой.

Сердито посмотрев на лакея, графиня двумя пальчиками взяла конверт, нервно взмахнула веером и недовольно проговорила:

— Сколько раз нужно повторять, чтобы меня не тревожили во время визитов?! Нет, в этом доме опре-

¹ *Bel homme* (франц.) — красавчик.

деленно желают свести меня с ума! Все, что я ни прикажу, выполняется из рук вон плохо или вовсе забывается!

Она виновато взглянула на Кирдягина, развалившегося в кресле напротив и с преувеличенным вниманием рассматривавшего свои тщательно отполированные ногти. На замечание графини он ответил едва заметным пожатием плеча да поднятыми вверх аккуратными и, как она подозревала, искусно подправленными куафером¹ бровями.

Лакей склонился еще ниже:

— Ваше сиятельство, велено срочно передать это послание лично вам. Господин Рябинин-с, секретарь его сиятельства, распорядились...

— Peut-on faire de somme-ça?² — вздохнула графиня и взмахом веера показала лакею на дверь. — Ступай, Степан, и передай, что я велела более меня не беспокоить, понял, шельма окаянный?

— Понял-с, понял-с! — попятился к двери Степан. — Все скажу, чего уж там!

Проследив за тем, чтобы дверь за ним захлопнулась, графиня дернула за витой шелковый шнур. Тяжелая бархатная штора рухнула вниз, отгородив будуар от внешнего мира.

Кирдягин в это время с тоской смотрел то в окно, за которым близился к трем часам пополудни сырой и серый петербургский день, то на небольшой столик у кресла графини. На нем ждала своей очереди бутылка дорогого шампанского, покрытая тонким слоем подтаивающего инея. Услышав громкий хлопок, Кирдягин обернулся, его чувствительный нос тотчас некрасиво сморщился, и гость вдруг звонко чихнул.

¹ Парикмахер.

² Peut-on faire de somme-ça?(франц.) — Ну позволительно ли так поступать?

Графиня, к счастью, не обратила внимания на конфуз своего поклонника, продолжая вертеть конверт с четко выведенными крупными буквами. Почерк был незнаком и принадлежал, несомненно, мужчине, причем довольно солидного возраста, ибо автор отказался от замысловатых завитушек и причудливых вензелей, которыми в последнее время так увлекались ее подруги и франтоватая молодежь вроде Кирдягина.

«Ее сиятельству, графине Буйновской Елизавете Михайловне», — прочитала графиня. В этот момент истомившийся Кирдягин подкрался к ней сзади и прижался губами к маленькой черной мушке у шеи, не потерявшей изящества и стройности. Но Елизавета Михайловна, дернув плечом, словно отгоняя докучливого слепня, опустила в кресло.

— Mon ami, будьте так добры, подайте мне нож для разрезания бумаг.

Mon ami, нисколько не расстроившись из-за несостоявшегося поцелуя, исполнил просьбу и вновь устроился в кресле в позе утомленного жизнью персидского кота.

Графиня тем временем, надрезав конверт, достала небольшой лист веленовой бумаги. Пробежав его глазами, она вскрикнула, откинулась на спинку кресла и принялась усиленно обмахиваться веером, отчего избраженные на нем Афродита и Адонис ожили и забились в пляске святого Витта.

Кирдягин, вскочив, услужливо протянул флакон с нюхательной солью, но графиня оттолкнула его руку и, взяв со стола колокольчик, позвонила. В ту же секунду из-под кресла выкатилась любимая собачка и тетка Елизаветы Михайловны Бетси; она радостно подбежала к новым панталонам гостя и, если бы не открывшаяся тут же дверь из соседней спальни, непременно испробовала бы их на вкус и прочность. Подоспевшая горничная Настя подхватила зловредную левретку, и Кирдягин облегченно вздохнул. Он соби-

рался нанести еще несколько визитов, и сражение за собственные штаны могло нарушить его планы.

— Настя, отнеси Бетси покормить и скажи, чтобы ее немедленно вынесли на прогулку. И передай дворецкому, что я велела подать через час карету, а сама живо приготовь мне синее кашемировое платье да бархатный салоп, тот самый, с атласными вставками, и не забудь про новую мерлинскую шаль. Непременно надо показать ее княгине! — Встав с кресла, графиня положила конверт с письмом в большую черную лака шкатулку, украшенную затейливым растительным орнаментом. — А это оставь в моей спальне.

Настя, шустрая, разбитная девка, сверкнув глазами на Кирдягина, едва заметно ухмыльнулась, негодница, и, как степной вихрь, умчалась выполнять приказы барыни. Елизавета Михайловна повернулась к гостю:

— Милостивый государь Дмитрий Афанасьевич, — она коснулась его руки длинными, унизанными кольцами пальцами, — к великому сожалению, мне необходимо сделать несколько срочных визитов и я вынуждена покинуть вас.

— Насколько я понимаю, графиня, вы меня выпроваживаете? — Иногда Кирдягин не боялся показаться излишне прямолинейным. Особенно, если дело касалось женщин зрелого возраста и в известной степени к нему равнодушных. В отношении графини Буйновской у него были все основания полагать, что она влюблена в него, как кошка, и потому он решил покапризничать. — Что ж, мне ничего не остается, как раскланяться. Видно, я ошибся в своих предположениях, разговоры наши показались вам невероятно скучными и неинтересными, раз вы предпочли мое общество делам, а не тому, о чем я так страстно мечтал все эти дни...

— Перестаньте, *mon cher ami!* — Графиня против его ожиданий не смутилась, не покраснела, и даже ве-

ер на сей раз не трепыхнулся в ее руках. — Изъясняйтесь попроще! Известность в свете вам принесло не умение красиво плести слова, а постельное мастерство! Вы не хуже меня знаете, с какой целью я пригласила вас в свой будуар. Мне хотелось вывести из себя графа Буйновского, о котором на каждом углу болтают, что он не покидает будуар m-lle Camille. Но теперь все изменилось. Не скрою, меня покорили ваши манеры и обходительность. Сегодня я испытала величайшее искушение, и, если бы не сие послание, возможно, ваши мечты и сбылись бы. — Елизавета Михайловна посмотрела на слегка побледневшего Кирдягина. Несостоявшийся любовник, доставший из кармана сюртука золотую с эмалевым покрытием табакерку, так и застыл, сжимая ее в одной руке, а шепотку табака — в другой.

Буйновская расхохоталась:

— Не горюйте, голубчик, таких дур, как я, на ваш век хватит! Вы правы, у меня сейчас другие заботы. Через несколько дней приезжает дочь моей покойной сестры, Александра. Девица она неискушенная. В свет выезжает впервые, потому мне нужно подготовиться, все обдумать, чтобы ее представление оказалось удачным. Тем более что время на поиск достойного мужа ограничено.

Графиня заметила взгляд Кирдягина, брошенный на шампанское, улыбнулась про себя и мысленно перекрестилась. Воистину Всевышний приложил руку к тому, чтобы она вовремя получила это письмо, и тем самым отвел от соблазна — дело закончилось целованием ручек и до шампанского не дошло.

Она прекрасно разбиралась в своих слабостях и не раз испытала на себе действие благословенного шипучего напитка. Ничто так не умиряет женскую гордыню и мужское чванство, как бокал хорошего вина. Порой он вынуждает забыть не только служебные обязанности и супружеский долг, но предаёт забвению

величие свершений предков и полосатые гербы с коронами... Перед ним бессильны и простые смертные, и даже монаршие особы, которым иногда тоже свойственно отринуть доводы разума и подчиниться законам сердца...

Кирдягин слегка кашлянул, отвлекая графиню от ее мыслей:

— Позвольте узнать, милейшая Елизавета Михайловна, могу ли я нанести визит и засвидетельствовать свое почтение вашей племяннице?

Графиня, свысока оглядев смазливую физиономию столичного fashionable¹, усмехнулась:

— Но-но, mon ami! Александра не про вашу честь! Пусть отец у нее и непутевый граф Волоцкий, но он богат, а род у них старинный и славный, так что держитесь от нее подальше!

— Но она хотя бы красива?

— Не знаю! — Буйновская, похоже, была озадачена. — Они всего-то месяца два как из-за границы вернулись, так что я никогда ее не видела. Правда, сестра моя, Ольга, слыла в свое время первой красавицей Петербурга, да и самого графа, черт бы его побрал, тоже Бог не обидел! Можно надеяться, что девочка не дурнушка, а с тем приданым, что отец за нее обещает, думаю, в девках она долго не засидится!..

...Через час после неудачного визита к графине Буйновской Кирдягин в высоком черном цилиндре, темно-синем сюртуке на вате и панталонах, счастливо избежавших зубов пакостницы Бетси и имевших, как изволил выразиться один из его приятелей, цвет упавшей в обморок лягушки, медленно прогуливался вдоль Невского проспекта. Левую руку Дмитрий Афанасьевич закинул на поясницу, правой оперился на тяжелую, инкрустированную серебром трость из мо-

¹ Fashionable (англ.) — модник, щеголь.

реного дуба. Изредка он лениво глядел через лорнет, небрежно кивая в ответ на приветствия многочисленных знакомых, и продолжал размеренно шествовать. Друзья и товарищи разводили в недоумении руками, не понимая причины странной меланхолии известного в свете весельчака.

А мысли Кирдягина были заняты непривычным для него делом: он размышлял, взвешивал *pro et contra* и даже *просчитывал* возможный доход от поступка, который вознамерился осуществить в самом ближайшем будущем.

Наконец сумбур, царивший в кудрявой голове отъявленного ловеласа и кутилы, несколько улегся, мысли приобрели четкость и стройность. И тогда Кирдягин, перестав витать в эмпиреях, весело щелкнул пальцами, озорно, по-гусарски, крутанул ухоженный ус и отправился в ресторацию Фёльета, чтобы отобедать в компании подобных ему бездельников; там его ждали жирные устрицы, кровавый ростбиф, трюфеля и бутылочка сокрушительной красной мадеры на пару с графинчиком бархатного, подогретого лафита...

Жизнь продолжалась, а Дмитрий Афанасьевич, по обычаю, ждал от нее только праздников и подарков!

ГЛАВА 2

— Александра, потрудись объяснить, что случилось с Кирдягиным? — Елизавета Михайловна, подобно олимпийскому марафонцу, с трудом перевела дух. — Он так быстро промчался мимо меня, что чуть не сбил с ног генерала Сахнова. Такое впечатление, что его основательно потрепали дворовые псы! Многие заметили, как он сопровождал тебя в зимний сад, — и вот такой конфуз! Признавайся, ты опять что-то натворила?

Племянница подняла на тетку огромные темно-синие глаза, и если бы графиня не имела уже опыта общения со свалившейся ей на голову родственницей, то вполне могла подумать, что более кроткого и невинного существа в природе не существует!

— Право, ничего, тетечка! — Девушка вдруг озорно улыбнулась, обняла тетку за плечи и поцеловала в щеку. — Просто он осмелился разговаривать со мной в непозволительном тоне и к тому же сделал несколько опрометчивых предложений, да еще попробовал ушипнуть за грудь, словно я трактирная девка! Будь я мужчиной, я бы непременно вызвала его на дуэль!..

— Господи, Александра, и ты называешь это «право, ничего»? Да только за одно из этих прегрешений я откажу ему от дома! Каков мерзавец! И как он посмел так обращаться с тобой?

— Думаю, — Саша наморщила лоб, — ему не дает покоя то, что я отвергла его предложение руки и сердца; он, вероятно, догадывается, что без вас тут не обошлось. Вот и пытается теперь досадить нам обеим. Потому я и решила раз и навсегда прекратить эти никчемные вздохи и рассчиталась с ним по всем пунктам его домогательств.

— Значит, разорванная манишка?..

— Ответ на предложение стать его любовницей!

— А синяк под глазом?

— Это он попробовал назвать меня дурой наби-той.

— А хромал тогда почему?

— Закономерный результат нежелательных для меня объятий и поцелуя. Тетечка, вы не беспокойтесь! Я умею за себя постоять! Например, когда мы жили в Канаде, один траппер¹ гнался за мной десять миль на собаках и отстал лишь после того, как я отстрелила ему ухо.

¹Тгаппер (англ.) — охотник на пушных зверей.

— Ухо?! — Графиня с неподдельным ужасом уставилась на племянницу. — Зачем ты это сделала?

Девушка пожала плечами.

— Как зачем? Он хотел на мне жениться, но я поставила условие: если его упряжка обгонит мою, я, возможно, подумаю над его предложением...

— И, как я догадываюсь, он не обогнал тебя, но, мой бог, зачем же лишать человека ушей?

— Так это в другой раз случилось! Он задумал меня украсть и взять силой...

Елизавета Михайловна растерянно покачала головой:

— Ну, знаешь, с тобой не скучно! Меня только одно интересует: есть ли голова на плечах у твоего дорогого папеньки? Мало того, что Ольге жизнь поломал, так и дочери постарался испортить! Разве подобает барышне твоего происхождения двадцать лет мотаться по свету, общаться с дурными людьми, терпеть лишения, потерять в конце концов мать — и все ради того, чтобы граф Волоцкий на склоне лет написал книгу, которую и читать никто не будет? Я-то уж этого никогда не сделаю!

Девушка обиженно закусила губу:

— Извините, тетя, но вы не правы! Книгу согласны издать не только в России, но и в Европе, и даже в Америке. Папу считают крупным ученым, совсем недавно его заметки о жизни африканских племен в окрестностях озера Виктория получили премию Королевского географического общества в Лондоне.

— Я, конечно, все понимаю. Не такая уж я дремучая дура, но пожертвовать жизнью жены и судьбой дочери... За одно это я непременно оторву твоему папаше голову!

Саша опустила глаза:

— Не нужно об этом, тетя! Папа очень любил маму и сам ее выхаживал, когда она заболела лихорадкой. И маменька его любила, она всегда мне говорила, что он лучший муж и отец на свете и, если бы ей при-

велось начать все сначала, она ни за кого другого не пошла бы. Вы не представляете, как папа переживал, когда она умерла. Целый месяц ни с кем не разговаривал. Придет к ее могилке, сядет рядом и молчит, лишь иногда принимается что-то шептать. Я вначале думала, он молится. Подошла как-то раз ближе, а он шепчет: «Олюшка, дорогая, прости меня, и за Сашеньку прости, и за то, что тебя не сберег!» ...А вы говорите: «голову ему оторвать!»! Да если меня кто так полюбит, я не задумываясь пешком на край света за ним уйду!

Елизавета Михайловна всплеснула руками:

— Ну что мне с тобой делать? Нам теперь не о горячей любви следует думать, а о том, как замять все скандалы, что следуют после каждого твоего выхода в свет. Твои эскапады шокируют и отпугивают более-менее приличных женихов, а теперь ты добралась и до таких никчемных, как Кирдягин.

— Тетушка-лапушка! — Саша умоляюще посмотрела на графиню. — Меня уже тошнит от этих лоботрясов и разгильдяев! Только и слышишь от них «excusez» да «permettez»¹, а стоит немного зазеваться, так и норовят тебе юбку задрать или в декольте руку запустить: верно, думают там нечто новенькое найти!

— О Боже! — тетка в ужасе возвела очи горе. Юная племянница в очередной раз продемонстрировала познания взрослой жизни. Елизавета Михайловна подзревала, что это лишь малая часть того, в чем девушка неплохо разбиралась. — Так ты никогда не выйдешь замуж! Мужчинам надо многое прощать, а иногда просто закрывать глаза на их шалости ради семьи, ради детей...

— Ну уж нет! Если я все-таки встречу человека, которого смогу полюбить, то делить его ни с кем не собираюсь и проделки, тем более прогулки на сторону, терпеть не намерена!

¹ Excusez, permettez (франц.) — извините, разрешите.

— Тогда тебе придется остаться старой девой! — Графиня Буйновская строго посмотрела на племянницу. — Если, конечно, жизнь не научит терпению и снисходительности к человеческим слабостям. — Она оглядела высокую, изящную фигурку девушки. Без сомнения, из всех невест нынешнего сезона Александра выделяется красотой и особой статью. И умом Бог не обидел! Но характер! И в кого она уродилась такой дерзкой? Покойница Ольга была само благочестие и скромность. Правда, сбежала с юным графом Василием и тайно с ним обвенчалась. Но не с бродягой ведь, а с богатым, красивым мужчиной, единственным наследником своего отца. Потому и выются вокруг Александры многочисленные поклонники. Девчонка немилосердно от них отбивается, но количество претендентов не убывает, и многие, несмотря на чинимые им обструкции и скандалы, не оставляют надежды заполучить ее в жены.

Но нашлись уже и более дальновидные и здравомыслящие, сообразившие, что богатство и необыкновенная красота будущей супруги гарантируют им до конца жизни не покой и благоденствие, а сплошное беспокойство и расстройство чувств.

Ушли в тень и благоразумно исчезли из столицы князь Уховертов и барон Шавырин, богачейший, хотя и в солидных годах, помещик Стародумов. Им и своего богатства не занимать, потому нет никакого резона вступать в сумятицу, которая охватила в этом сезоне Петербург. Елизавета Михайловна вздохнула. Каждый из этих кандидатов по всем статьям подходил Александре, но та язвительно, в присутствии самого господина Канкрина¹, начальника над Уховертовым, высмеяла эспаньолку князя. Ходят слухи, что тот уехал в свое поместье, сбрил злосчастную бородку и по-

¹ Канкрин Е. Ф. (1774—1845) — российский министр финансов с 1823 по 1844 г.